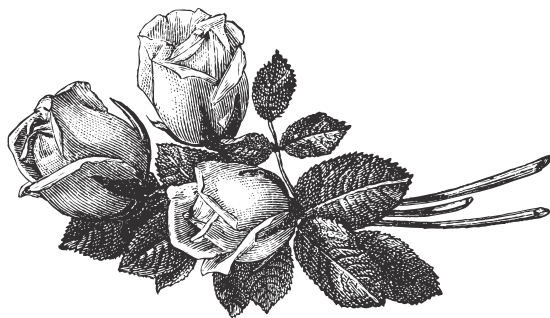

тайная тетрадь

Серебряный век

Письма и стихи

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
С32

Серийное оформление *Виктории Лебедевой*
Дизайн макета *Яны Паламарчук*
Иллюстрации *Виктории Лебедевой*
Компьютерная верстка *Алексея Филатова*

Составление, предисловие, комментарии к письмам *Евгении Роциной*

В оформлении книги использованы фотографии из фондов Shutterstock.com, fine art images/ Vostock Photo, ФГУП МИА «Россия сегодня», Фотобанка Лори (фоторабота Вячеслава Палеса)

С32 **Серебряный век.** Письма и стихи : сборник / сост., предисл., коммент. Е. Роциной. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 304 с. – (Тайная тетрадь).

ISBN 978-5-17-107165-3

Серебряный век – удивительный период на рубеже XIX-го и XX-го столетия, по значимости для нашей культуры сравнимый с итальянским Ренессансом. Особенного расцвета достигла в то время русская поэзия. Неслучайно именно с поэтами Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым, Валерием Брюсовым, Александром Блоком и Осипом Мандельштамом ассоциируется эта эпоха. Их связывали любовные и дружеские отношения, семейные узы, совместное издание журналов, творчество и... оживленная переписка. В письмах поэты признавались в любви, пересылали друг другу написанные стихотворения, спорили о творческих методах, обсуждали быт и делились впечатлениями от путешествий.

В этой книге собрана переписка самых талантливых поэтов эпохи, открывающая их внутренний мир и погружающая читателя в прекрасную, драматическую и полную тайн атмосферу Серебряного века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-17-107165-3

© Е. Роцина, составление,
 предисловие, комментарии, 2019
© А. Ахматова, наследники 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Содержание

Предисловие	6
Валерий Брюсов	9
Александр Блок	85
Николай Гумилев	165
Анна Ахматова	215
Осип Мандельштам	251

ПРЕДИСЛОВИЕ

Минуло целое столетие, но мы не перестаем обращаться к явлению русской культуры, озарившему рубеж XIX и XX веков и получившему метафорическое название «Серебряный век». Несмотря на условность этого названия и спорность его как термина, оно устойчиво прижилось, прежде всего по отношению к поэзии, литературе, и расширилось, охватывая философскую мысль и всю культурную жизнь нескольких десятилетий. Наверное, не будет ошибкой сказать, что общее для всех в восприятии метафоры Серебряного века согласуется со словами Н.А. Бердяева, который называл начало столетия в России ренессансом духовной культуры, философским и литературно-эстетическим: «Раскрылись глаза на иные миры, на иное измерение бытия. И за право созерцать иные миры велась страстная борьба». О.Э. Мандельштам говорил о нем как о времени «бури и натиска», а крупнейший русский филолог Р. Якобсон — как о времени великого художественного эксперимента и авангарда.

Не было «такой сферы деятельности духа, где русские ученые, мыслители, художники, поэты не сказали бы в это время нового слова. Далеко не все они принимали революцию, <...> но все они составляли — при огромных различиях и внутреннем противоборстве единое духовное целое, ими определился невиданный рост русской науки, инженерной мысли, философии, поэзии, изобразительного искусства. Без этого поразительного фона нельзя понять и последующих достижений Шостаковича, Королева, Пастернака, продолжавших и наследовавших этот взлет», — писал академик

Вячеслав Иванов о начавшемся в России в десятиные годы высочайшем духовном подъеме.

Серебряный век был трагически недолог: ему суждено было встретиться с заревом грядущих исторических перемен в России. Совпадая с этими переменами вначале, приветствуя новое, он роковым образом оборвался с наступлением другой социальной эпохи. И потому «серебро» его звучит не только утонченностью поэтического голоса, но слышится звоном сребреников. Как у Цветаевой: «Не надо бы — при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, про тридцать *сребренников*»...

«Дети серебряного времени» подарили нам вечное в своих произведениях, а их письма, дневники отразили время, преломленное через восприятие замечательных, великих людей. Пожалуй, письмо — одно из самых удивительных документальных свидетельств: они запечатлевают достоверно момент жизни, наполненный переживанием и текущим смыслом (в воспоминаниях он может явиться уже переосмысленным), они сообщают об отношении к адресату и событиям, в них сохраняется неискаженным отпечаток неповторимой личности, внутренней истории человека.

В этой книге собраны письма пяти русских поэтов, каждый из которых исключительно самобытен, но все они — олицетворение Серебряного века: Валерий Брюсов, Александр Блок, Николай Гумилев, Анна Ахматова и Осип Мандельштам. Пять историй о судьбах поэтов следуют одна за другой, и только на первый взгляд может показаться, что это отдельные повествования. Их обобщают единое пространство литературной жизни, люди этого пространства, чьи имена встречаются на страницах писем главных героев

книги. Письма всегда диалогичны, и мы невольно знакомимся не только с их авторами, но и с адресатами — близкими поэтов, их друзьями, среди которых тоже поэты, издатели, и круг героев книги ширится... Мы читаем историю дружбы, любви, преданности и бескомпромиссности, поиска поэтической истины, вписанную в трагический и беспощадный контекст времени. Мы видим это время глазами разных героев.

Книга предполагает последовательное чтение, построена в хронологическом развитии.

Евгения Рощина

**ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ**

"Разногласие воле,

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

29 сентября/12 октября 1903 года,
вillage Мава, Мексика

Дорогой Валерий Яковлевич, пишу вам под первым впечатлением сегодня полученного вашего письма, глубоко меня тронувшего, мой дальний — и друг, мой «чужой» — и близкий! Впрочем, близость нашу я вижу, а слово «чужой» пишу с ваших слов и на веру, вместо «неведомый», потому что вы принадлежите, по моему мнению, к типу непроницаемых лириков — тех, которые, будучи гордыми, многоликими и художниками прежде всего, умеют петь даже о самом личном из своих многих Я, не вынося его «на диво черни простодушной»¹. Что же до разделений <на> партии и секты, — существуют ли они в общине эсotericической? Одно разделяет — или соединяет мертвенно: окаменение; но уже не поэт, кто окаменел. А кто поэт, тот откликается — всегда, думаю, — весь на все... Благодарю вас за отпечаток вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как

¹ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе».

«что меж собой согласны»

величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: «предо мною другие поэты — предтечи», звучит для меня как богохуление. Неправы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских *rhythmes brisés*¹: сошлюсь на чудесную ритмику «Старого дома» — этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и *стиль* Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит — и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены, — хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер.

Обращаясь к «делам», прежде всего уверю вас, что поистине желал бы избежать предварительной цензуры (и спасти, между прочим, «Крест Зла» — где, быть может, полезно пожертвовать словом: «соблазна»). Итак, доставлю материала на десять листов и потому прошу вас приступить к набору. Быть может, в самом деле хорошо издать книжку по образцу первого моего сборника, но думаю, что бумагу лучше было бы взять несколько плотнее и толще, а также печатать *шире*, с большими промежутками между строк, что и красивее. На предварительный гонорар никаких притязаний не предъявляю. «Кольца» же нам необходимо издать *теперь* и раньше «Пламенников», которых появление не заставит себя ждать. В отношении распространения, обе вещи будут взаимно друг друга рекомендовать и поддерживать. Если книгоиздательство все же

¹ рваные ритмы (франц.)

*Большой театр Женевы (Швейцария).
О. Гарцини. 1884—94 гг.*

боится убытка, не пожелает ли оно печатать драму в типографии «Нового времени», где на нашем счету лежит около 150 руб., которые могут войти в покрытие расходов по изданию? Свою книгу я бы думал издать только экземплярах в 500 (?); для драмы также, думаем, достаточно это число.

Ваш сердечно Вяч. Иванов

Р. S. Жду корректуры и вышлю продолжение в скорейшем времени.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

28 июля 1904 года, Аметьевка,
Таруса, Калужская губерния

Дорогой Вячеслав!

Сегодня я прошу позволения говорить исключительно «о делах», о судьбе «Весов». На это вызывает меня твое последнее письмо, которое нашел, вернувшись сюда (за него спасибо, очень и очень). И так прости, что буду длинным, подробным и скучным.

Продолжать «Весы» так, как они идут сейчас, я не хочу и не стоит. Да, *hic desperatus!*...

Во-первых, я не в силах работать один. Когда «Весы» основывались, полагалось, что в редакционной работе будут участвовать, кроме меня, — сам Сергей Александрович, Юргис и, может быть, Бальмонт. Но вся работа оказалась на мне. «Весы» отымают у меня всю жизнь; изо дня <в день> у меня остается свободного времени только, чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы. У меня не достает ни времени, ни внимания, ни даже знаний — для многого. Я не успеваю писать нужнейшие редакционные письма. Я упускаю многое в хронике, еще больше в библиографии. Я не могу выправлять всех статей (а многие в этом нуждаются) и читать все корректуры. Не говорю уже о том, что, будучи один, я не могу отлучиться из Москвы и в случае моей болезни «Весы» просто останутся.

Во-вторых, я не могу примириться с той беспорядочностью, какая царит в конторе. У меня опять-таки нет времени присма-

¹ это очень плохо (лат.)

тривать за конторскими и издательскими делами, а Сергей Александрович по свойственной ему беспечности ведет все слишком по-семейному. Прежде всего для распространения «Весов», для рекламы не делается ничего. Объявлений почти не печатается и совсем не рассылается. Суммы, получаемые Василием, не контролирует никто. Правильность рассылки журнала тоже. Типография подает *двоишные* счета. Они оплачиваются. Зато иные сотрудники не получают гонорара по два — по три месяца. Гилю не заплачено за 2 месяца, Розанову за май, Рафаловичу¹ ничего не заплачено, Шику не доплачено, Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле, и т. д. Знаю, что у Сергея Александровича² до 30 000 рублей годового расхода (дохода больше) и что ему не жалко ничтожных сотен, должных этим лицам, но таков факт. А всю его тяжесть выношу я, который приглашал этих лиц и которые пишут жалобы не кому другому, как мне. В то же время я с января прошу выписать для «Весов» «La Revue», «Neue Rundschau»³, некоторые английские журналы, и тщето. Прошу покупать книги для рецензий, тщето. Неловко настаивать по поводу 2–3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу.

Я мог бы привести гораздо больше примеров и доказательств. Но поверь мне, что и редакцию и контору «Весов» надо перестроить в основании или бросить все дело. Быть редактором нечитае-

¹ Сергей Львович Рафалович (1875–1943) — поэт-символист и театральный критик.

² С. А. Поляков — официальный редактор журнала «Весы».

³ «La Revue» (Париж) — общественно-политический и литературный журнал. «Neue Rundschau» (Франкфурт-на-Майне) — журнал литературы, искусства и науки.

мого журнала, журнала, обреченного вечно иметь 500 подписчиков, я не хочу. Ведь не ради 100 рублей, получаемых мною за редактирование, хлопочу я о «Весах». Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, лучше бросить мертвое дело, которое, несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, например), может только разлагаться.

Ты понимаешь, что, говоря о «ком-нибудь другом», я думаю только о тебе. Мне представляется сейчас просто сказкой, если б мы стали работать вместе. В ближайшем я не желаю ничего лучшего. Какое-то достижение пристани, долгий отдых на «узловой» станции. И я еще раз прошу тебя ответить мне принципиально: можно ли тебе приехать в Москву и возьмешь ли ты на себя соредктирование «Весов»? От твоего принципиального ответа будет зависеть мое дальнейшее поведение.

Если ты ответишь утвердительно, я предложу Сергею Александровичу как ультиматум:

- 1) «Весы» редактируют на равных правах: он, ты и я.
- 2) «Весам» гарантирован определенный месячный бюджет.
- 3) Этими деньгами, опять на равных правах, распоряжаемся мы трое.

Если он не согласится, я слагаю с себя полномочия редактора.

Остается решить размер этого бюджета.

Я дописал до этого места, когда мне принесли (точнее привезли «эстафетой») телеграмму. Именно от Сергея Александровича. Пишет, что приехал в Москву и послезавтра выезжает в Женеву.